

Потомъ вѣдутъ карапузики, а онъ галарить:

Мамашинька, дай-и ти нанявемъ карапузики, напѣть пагулять на четвера сутакъ.

Папики—пагуляли, еѣи, паѣхали съ говарами къ гасударю.

— Мамашинька, баславите паѣхать къ папашиньки, не печалитца ли абы насъ папашинька?

Выходишь и гасударъ жъ женой и гаварить:

Здрастуйти, гасна а-карапузики! Плавали вы по мари, не видали вы бочки, или бачкавой доски, или бачкавоа ца?

— Нѣтъ, ваше великое императорство! Не видали ни бочки, ни бачкавой доски, ни бачкавоа ца.

Толька видѣли на такомъ-та остравѣ живутъ чи братъ съ сестрой, чи мужъ жъ женой, чи сынъ съ матерью. Стантъ у ихъ сать, въ етамъ сацу вѣрь-левѣ на двѣнадцати веретъ не латпушпантъ, пташки головы срываютъ. Стантъ мельница, сама мелить, кули набивантъ, у Моску атправляютъ и девочки сама получаютъ. И стантъ боравъ, носамъ машить, шпеницу расѣвае, хвостомъ заскараживае.

А тетенька и говоритъ:

Пштои-та на дива! Какъ я видала дива: въ етакамъ царетѣй, въ етакамъ гасударствѣ у лютава амѣя шесть сыновъ: ручки-ножки на калѣнца въ золатѣ, на лбу звизда, на затылку мѣсяцъ.

Приѣжнать къ матери и гаварить:

Ну, мамашинька, печалитца абы насъ ципашинька! А тетинька скивала: въ етакамъ царетѣй, въ етакамъ гасударствѣ у лютава амѣя шесть сыновъ: ручки-ножки на калѣнца въ золатѣ, на лбу звизда, на затылку мѣсяцъ. А благословите, мамашинька, дастати етыхъ сыновъ, а маихъ братовъ.

— Ну, мамашинька, спиките на грудномъ малакѣ шесть норжиковъ и на каждомъ подипсь, ать изво гасинейцъ.

Онъ сѣлъ на добрава каня и паѣхалъ за етими сынами, за своими братами.

Када онъ приѣжнать, ани ходють по саду расгуливаюцца: шесть братовъ—ручки-ножки на калѣнца въ золатѣ, на лбу звизда, на затылку мѣсяцъ.

Тада онъ имъ нисна пакланялся и паадрасествовалси и по-даѣтъ гасинейцъ. Аня на гасинцу припазали, што ета братъ.

— Эхъ, гаварять, вачѣмъ ты заѣхалъ, юный амѣй па-бѣтъ тебе!

Я, гырѣ, ни вачѣмъ пришель, штобъ миритца, а битца съ нимъ! Не вачѣмъ, штобъ насъ оставить, а забрать съ сабою.

Када онъ пасадилъ ихъ на сваво добрава каня и паѣхали ани къ матери, а онъ остался тамъ, чтобы побить амѣя.

Прилетаютъ амѣй, спрашиваютъ: „Битца или миритца?“